

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О.Н. Яницкий

д.филос.н., профессор, Институт социологии Федерального центра теоретических и прикладных социологических исследований РАН (Москва)

ОБЩЕСТВО И ИНДИВИД В ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Опираясь на анализ научной литературы по глобализации и общественным движениям, а также на собственные исследования в течение 50-ти лет, автор приходит к выводу о необходимости комплексного анализа глобальных структурно-функциональных трансформаций, порождаемых переходом мира и России к глобальной Четвертой научно-технической революции (далее НТР-4) и формированием в РФ «информационного общества». В статье последовательно рассматриваются: изменения в методологии и теории исследования этого общества; проблема «ускорения времени» и сжатия социального пространства; количественные и качественные изменения в этом обществе; вопросы формирования информационной среды обитания; отношения «информационного общества» и техно-науки; реакция массовых социальных движений на императивы, порождаемые техно-наукой; процессы формирования нового социального порядка в «информационном обществе»; реакция индивидов и их групп на указанные выше социальные трансформации в процессе перехода к «информационному обществу». Чем общество мощнее технологически, чем сильнее в его идеологии и политике перекося в сторону новых инженерных, биохимических, экологических и иных технологий и чем выше накопленный им потенциал финансового и технологического капитала, тем выше риск самоуничтожения человечества. Исходной теоретико-методологической позицией исследования «информационного общества», проведенного автором, является формирование интегрированной социобиотехнической системы (далее СБТ-системы), адекватное понимание структурно-функциональной структуры и динамики которой возможно только средствами междисциплинарного знания, а точнее, методами многостороннего исследования, основанного на «триаде»: научное исследование – непрерывное обучение – участие общественности в этом процессе; и всесторонний анализ отношений «индивид–среда обитания» в этом обществе. Наличие постоянной обратной связи между субъектом действия (человеком, сообществом, сетевой системой) и средой его обитания, которая непрерывно, но нелинейно изменяется, также является обязательным. Противостоять гибельному пути к самоуничтожению общества можно только объединенными действиями всех людей планеты в защиту мира и безопасности.

Ключевые слова: глобализация; индивид; информационное общество; междисциплинарный подход; наука; «сжатие пространства»; среда обитания; триада «наука–обучение–общественная активность»; ускорение времени; Россия.

JEL: B59, Q51, Z13.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10206.

1. Введение: постановка проблемы

Цель статьи – рассмотреть основные тренды изменения социального порядка в информационном обществе и их влияние на общественное сознание в целом и на сознание и поведение индивида в частности. Основная гипотеза данной работы состоит в том, что сегодня уже сформировалась новая, весьма специфическая информационная среда обитания человека и общества, которая все более детерминирует коллективное и индивидуальное поведение членов глобального сообщества в каких бы отношениях его составные части ни находились, дружеских, нейтральных или антагонистических.

Другая, не менее важная гипотеза состоит в том, что процесс развития глобального информационного общества до сих пор был односторонним. Он основывался на достижениях техно-науки и социальной инженерии, однако не учитывал изменений природной среды обитания человечества как под его собственным воздействием, так и в результате изменения той информационной среды, которая является результатом формирования качественно новой глобальной среды обитания, которую я называю социо-био-техносферой (далее глобальная СБТ-система) [Yanitsky, 2016].

Движение глобального сообщества к его качественно новому состоянию происходит неравномерно, оно идет нелинейно, а иногда скачками. Однако, по мнению автора (и в этом заключается третья гипотеза данной статьи), мир-система сегодня находится в некотором неустойчивом состоянии, т.е. в очередном «переходном периоде», всегда сопровождающем смену общественно-исторических формаций. Его суть и проблема заключаются в том, что *развитие новых технологий опережает формирование нового социального порядка*.

Поэтому сегодня можно лишь утверждать, что идет формирование некоторого «гибрида прошлого и будущего», который, как и все прошлые социально-технологические трансформации, находится в весьма неустойчивом состоянии, чреватом рисками глобальных природных, социальных и технологических катастроф.

Статья написана на основе изучения как работ ведущих мировых теоретиков и практиков в сфере социально-информационных технологий, так и контента средств массовой коммуникации. Сюда я включаю анализ контента социальных и иных сетей, а также обобщение личного опыта, результатов многолетнего сотрудничества в различных международных организациях в качестве участника международных исследовательских проектов, программ и экспертной работы. Отдельные вопросы данного «переходного периода» (в форме тезисов) автор обсуждал на ряде национальных конференций в России, так и на международных семинарах и симпозиумах за рубежом.

2. Общие подходы и методология анализа

Структуры и процессы современной мир-системы связаны между собой не только всеохватывающими и везде проникающими информационно-коммуникационными сетями, но и многими другими глобальными процессами, которые далеко не все люди понимают и потому не воспринимают их как силы, интегрирующие весь земной шар, включая его космическую оболочку. К таким «интеграторам», прежде всего, относится круговорот вещества и энергии в биосфере. Это означает, что если, например, изменяется температура поверхностных вод Мирового Океана, то это изменение может отозваться в любой точке земного шара, причем отозваться далеко не всегда предсказуемым, а подчас и катастрофическим образом.

Например, что произойдет, если поток солнечной энергии, достигающий поверхности земли, будет систематически сокращаться? Или – как изменится наша земная жизнь,

если биосфера, которая многосторонне изучалась в течение всего минувшего столетия, окончательно превратится в глобальную СБТ-систему? Другой аспект той же проблемы: как быстро эта СБТ-система «стабилизируется» в своих трансформациях, или же это будет вечный и непрерывный процесс? То есть можно ли ее рассматривать как живую систему, эволюционирующую по своим собственным законам? Я здесь специально не рассматриваю трансформации, происходящие ныне или в будущем внутри этой СБТ-системы. Мы видим, что мир, в котором мы живем, становится не только все более взаимосвязанным и подвижным. Однако *в рамках какой парадигмы* этот процесс надо рассматривать? С моей точки зрения, *мы нуждаемся в создании парадигмы нелинейной и вероятностной динамики*.

Мне иногда возражают, говоря, что модели нелинейной динамики уже существуют. Верно, но глобальная СБТ-система не может быть описана в терминах *одномерной динамики*, поскольку она есть конгломерат или гибриды динамик разнокачественных структур и процессов. Если это так, то в каких терминах тогда описывать их взаимодействие? Перехода одного в другое? Взаимную трансформацию? Или же, как риск аннигиляции, т.е. взаимоуничтожения друг друга?

У названных вариантов взаимной (внутренней и внешней) трансформации есть скрытое, но важное свойство. Мы привыкли мыслить в терминах прямого действия (запланировали, решили, построили или сделали), но гораздо реже думаем о ближайших и отдаленных последствиях наших действий или природных процессов, и еще более редко интересуемся их «обратной связью» (feedback), особенно если она также имеет нелинейный и вероятностный характер.

Эта односторонность связи человека и общества четко видна на характере действия современных государственных информационных систем (порталы «Государственные услуги», «Активный гражданин», все виды городского и международного сервиса и т.д.). Их пользователь может туда обращаться, писать жалобы, направлять запросы, предложения и т.п., но он почти никогда не имеет возможности **вступать в прямой диалог** с этими обезличенными информационными структурами. В лучшем случае настойчивый гражданин получит отписку, что ваша жалоба направлена по такому-то (тоже обезличенному) адресу какой-то организации.

На том же принципе основана и рыночная система. Это только на поверхности кажется, что рынок – это равноправная конкуренция. В действительности всегда побеждает та сторона, которая богаче, а, значит, может позволить себе оплачивать научные разработки, нанимать дорогих адвокатов, имеет нужную рекламную базу и т.п. И никакой благоприятный дискурс вам не поможет, если у вас в кармане пусто.

Поэтому сторонники концепции «устойчивого развития» должны, наконец, понять, что никакой такой устойчивости без диалога с пользователем быть не может, кем бы он ни был – потребителем, просителем или заявителем. То есть любая сложная экосистема жизнеспособна, если она основывается на диалоге и взаимопонимании между Институциональными системами и рядовыми потребителями. В противном случае такой «диалог» переходит в фазу социального или политического конфликта, митингов и демонстраций протеста или военного противостояния.

3. Формирование информационной среды обитания

Информационная среда (далее ИС) – это *всеобъемлющая сигнальная система*, постоянно создаваемая и изменяемая природой, обществом и его техническими устройствами. ИС есть производная от современного (информационного) способа производства и социального воспроизводства общества, поэтому ее основные характеристики суть те же, т.е. неопределенность, нелинейность и в целом вероятностный характер.

Ее знаковая система – та же, что и в обществах прошлых эпох, т.е. слова, образы, социальные и профессиональные коды, ощущения и другие уже известные нам характеристики. Однако чем дальше, тем больше создатели и пользователи этой системы используют *цифровые коды*, которые требуют расшифровки и интерпретации. Этот «переход», ускоряя производство и распространение информации, одновременно провоцирует социальное неравенство между теми, кто владеет и не владеет этими кодами. Подобное информационное неравенство есть отличительная черта нашей переходной к цифровой цивилизации эпохи.

Я акцентирую внимание читателя на этом переходном периоде, потому что именно он чреват социальными конфликтами, хотя бы именно потому, что институциональные системы индустриальной эпохи уже не соответствуют действительности, а новые еще находятся в процессе разработки или тестирования. Поэтому, в частности, данный *переходный к НТР-4, период отмечен появлением множества временных социальных институций*: соглашений, которые тут же нарушаются, дорожных карт, которые не выполняются, и т.п. В целом этот переходный к «цифровому обществу» период характеризуется резким повышением степени неопределенности и конфликтности состояния глобальной СБТ-системы.

Какие черты информационной среды обитания отчетливо видны уже сегодня? **Первое**, эта среда непостоянна: одни «пласты» информации отмирают или превращаются в архивы, в то время как другие формируются, изменяя общественное сознание и расклад сил на мировой арене. **Второе**, индивиды, их группы и глобальное сообщество в целом перманентно находятся в ситуации *избыточной информации*, затрудняя рациональный выбор. **Третье**, для преодоления этого информационного стресса капиталистическая система создала институт, продуцирующий нужную информацию, называемый потребительской идеологией.

Четвертое, появление потребительской идеологии на конкурентном рынке товаров и услуг не спасает положения, потому что начинают конкурировать разные модели этой идеологии. **Пятое**, сегодня в результате резкого ухудшения глобальной климатической ситуации быстро формируется мировоззрение «разумного ограничения массового потребления». Отсюда и резкий рост общественного интереса к экологическим проблемам современности и причинам, их вызывающим. **Шестое**, названные выше ценностные и идеологические трансформации начинают оказывать обратное воздействие на систему среднего и высшего образования, тем самым усиливая интерес молодого поколения к проблемам глобальной экологии. **Седьмое**, сегодня экологические требования становятся интегральным элементом уличной борьбы за мир и гражданские права. **Восьмое**, в этой ситуации социальной и политической неопределенности современный капитализм использует уже испытанное оружие: техно-науку. **Девятое**, суть действий капитанов Большого Бизнеса – это вытеснение человека с поля этой борьбы и его замена на послушных роботов. **Десятое**, в результате названных выше социально-технических трансформаций происходит некая «рокировка»: информационная среда и ее законы становятся главными, а материальная среда – ее дополнением (функцией). Это – опасная рокировка. **Одиннадцатое**, современные технократы и апологеты техно-науки забывают, что эта материальная среда живет по собственным законам, и их нарушение «цифровым человеком» чревато для человечества и среды его обитания невозможными потерями. **Двенадцатое**, развитие техно-науки и информационных технологий возможно только в условиях «гуманистического поворота [Кравченко, 2018], т.е. разумного сочетания социотехнических технологий и гуманистических ценностей в отношениях человека с природой и с самим собой.

4. «Ускорение» времени и сжатие социального пространства

Появление информационных технологий, позволяющее практически мгновенно передавать информацию из одной точки поверхности земли в другую, создало эффект «инверсии пространства», когда привычные представления о расстояниях и времени в пути были разрушены, и на их место пришло множество практически одновременных событий, «расстояние» между которыми теперь измерялось минутами и даже секундами. Иными словами, возникла совершенно иная картина мира в виде «комков» порождающих друг друга явлений и событий. **Мир, таким образом, предстал перед нами как практически непрерывная взаимосвязанная цепь явлений и событий.** Причем в отличие от известного эффекта домино, когда (теоретически) речь шла о ряде однородных событий, эта инверсия пространства нашей жизни является не чем иным, как *непрерывным рядом качественных структурно-функциональных трансформаций, порождающих друг друга.*

Если посмотреть на это изменение исторически, то видно, что такие сближения сначала были разделены между собой месяцами и даже годами (как, например, покорение Америки европейскими завоевателями), потом эти сближения последовательно ускорялись. Сегодня уже нет никакого различия между миром и войной, между безопасными и опасными для жизни местами, между «здесь» и «там» и другими оппозициями, привычными для нашего сознания. И эта трансформация может быть иллюстрирована калейдоскопом непрерывно наезжающих друг на друга рекламных клипов самого разного содержания и целевой аудиторией.

Такое насильственное сближение стран и местных сообществ было выгодно транснациональному капиталу, поскольку он получал доступ к новым источникам ресурсов и рынкам сбыта. И вообще, силовое сближение этому капиталу было выгодно еще и потому, что он стремился везде насаждать потребительскую идеологию и соответствующий образ жизни. Но такое насильственное сближение было разрушительно для малых стран и народов, так как он разрушал их веками сформировавшиеся ценности и установки, а также их формы жизни и быта, тесно связанные с местной природой.

Сжатие социального пространства имело еще один отрицательный эффект. Он заключался в том, что возросшая мобильность всего и вся (людей, информации, товаров и услуг) часто стирала с лица земли культурную специфику конкретного места, в лучшем случае переводя ее в форму некоторого археологического артефакта или исторического или этнографического памятника.

Естественно, что этот процесс «сжатия» социального пространства в значительной мере стимулировался глобальными амбициями ведущих стран западного мира и непрерывно нарастающей гонкой вооружений.

5. Количественные и качественные измерения в «цифровом обществе»

Чем дальше идет «цифровизация» происходящих перемен, тем больше стремление измерять и оценивать их количественными методами. Это – исторический тренд, во много заимствованный нами у американских социологов, и он действительно работает, но до определенного предела. Поэтому отечественная и мировая социология одновременно использует качественные методы социологического и иного анализа.

Чем дальше рыночные отношения проникают в социальную ткань общества, тем чаще мы видим, как любые достижения капитала и подчиненных ему наук выражаются

в цифрах, подобно счету в очередном футбольном матче, чего сегодня уже явно недостаточно для интерпретации происходящих событий.

Однако вопрос о том, как выразить в цифровой форме качественные структурно-функциональные трансформации остается не выясненным до сих пор. Прикладные математики утверждают, что для этого существуют сложные цифровые модели. Но как социолог, имеющий дело с реальными людьми и их групповыми интересами, я полагаю, что необходимо создавать методы и модели, использование которых под силу обыкновенному гуманитария. **Вопрос о взаимодействии естественных, общественных и технических наук** будет кратко рассмотрен ниже, но именно он становится приоритетным в глобальной повестке дня.

Основное преимущество качественного анализа – это связь типа действующего агента и его мыслей и поведения со средой его обитания в комплексе ее природных, техногенных и социальных составляющих. Количественный анализ такой детализации дать не может, в нем все разнообразие показателей агрегировано по типам поселений (малый, средний, большой и крупный город). Тогда как сегодня первостепенное значение имеет не размер города, а профессиональный уровень и вид занятий его населения. Вообще, в условиях всеобщей территориальной мобильности эти категории утратили свое типологическое значение. Территориальная близость или, напротив, удаленность данного поселения от потенциального источника опасности также теряет свое значение в информационную эпоху.

Все это означает, что наука нуждается в сложных количественно-качественных моделях современной динамики на всех ее уровнях. Причем эти модели должны также отражать нелинейную и вероятностную динамику глобального мира. Поэтому дихотомические модели, построенные по принципу «больше – меньше», «ближе – дальше», «лучше – хуже» и т.п., теряют свое эвристическое значение. А вот значение комплексного (интегративного, гибридного) подхода, напротив, возрастает, к чему я и перехожу.

6. Интегрированный мир vs. моно-дисциплинарное знание?

Именно этот разрыв, созданный еще руками великих просветителей XVIII в., может сегодня стоить нам очень дорого. Тогда моно-дисциплинарное знание было действительно мощным стимулом развития многих естественных наук, однако сегодня такое знание, за много веков укрепившись институционально, превратилось в тормоз познавательного процесса современного интегрированного мира. Даже великий Ф. Энгельс писал свою «Диалектику природы» отдельно от социально-экономической концепции К. Маркса. Хотя заявляя, что человек живет природой и что в будущем наука будет единой, Ф. Энгельс был в одном шаге от признания факта существования «интегрированного мира». Ученые неоднократно утверждали, что диалог науки и общества необходим как науке, так и самому обществу [Яницкий, 2004; Этос науки, 2008].

Но не буду тревожить великих мыслителей прошлого, а обращусь к нашей повседневной жизни. Разве элементарный акт приема пищи и ее переваривания это не многосторонний процесс, требующий междисциплинарного исследования? Если этот аргумент не убедителен, то посмотрите книгу С.А. Кравченко «Социокультурная динамика еды» и вы увидите, сколь сложным является этот процесс [Кравченко, 2014]. А если еще учесть множество метаболических трансформаций, сопровождающих сам процесс поглощения пищи и ее переваривания, то вы поймете, что без такого биохимического понятия, как метаболизм, вам не обойтись. ЮНЕСКО уже более двух лет назад объединило два своих совета по естественным и социальным наукам в единый совет по проблемам науки, а у нас – никакого движения в эту сторону!

Обратимся к новейшей истории некоторых наук. Если исключить естественные науки, где процесс междисциплинарного взаимодействия идет уже достаточно давно, то,

по моему мнению, лидерами в таком сближении наук являются медицина и практика спасателей (профессионалов и волонтеров), вынужденных оказывать самую разную помощь пострадавшему населению. Иными словами, *проблема жизни и страданий рядового человека является главным интегратором наук между собой* и между ними и практикой.

И это вполне логично, потому что современная социология – это не просто наука о ценностях и поведении масс людей. Современная социология должна вбирать в себя данные других наук, как полученные лабораторным способом, так и более пристального и детального изучения поведения людей именно как биосоциальных существ. Техно-наука может попытаться имитировать это поведение, но заменить Homo Sapiens она не может! Сторонники техно-науки утверждают, что современные роботы способны к самообучению. Возможно, но важно к *какому именно* самообучению они сегодня способны? Но есть и более серьезное препятствие к самообучению роботов: они не обладают ни способностью к метаболизму, ни к постоянному переключению режима действий человека или общества в целом. Наконец, в какой степени первая и вторая сигнальные системы робота способны воспринимать и перерабатывать информацию об окружающем их мире в рациональное поведение, и более того, способен ли робот адекватно рефлексировать по поводу сложных и динамичных событий или процессов в окружающем его мире?

7. Информационное общество и техно-наука

До сих пор четкого определения понятия «техно-наука» не существует. Техно-науку можно трактовать как историю техники и связанное с ней естествознание. В России есть специальный Институт истории естествознания и техники РАН. Однако многие выдающиеся исследования по истории техно-науки были выполнены и опубликованы вне этого института. В частности, это ранние дневники В.И. Вернадского. Другие исследования выполнялись даже не в институтах РАН РФ. Это – не критика, а лишь подтверждение того факта, что, согласно закону рассеяния публикаций Ципфа, лишь их малая часть была выполнена в специализированных научных институтах и издательствах, а остальные – рассеяны по огромному количеству других источников и издательств, в том числе публицистических и литературно-художественных.

Другое понимание техно-науки условно может быть «приписано» Нобелевскому лауреату академику П.Л. Капице, который утверждал, что иногда экспериментатор важнее теоретика, потому что экспериментатор способен соединить несоединимое. Т.е. в современной терминологии экспериментатор выступает в роли междисциплинарного интегратора. Замечу, что, например, проект современного самолета не является целиком междисциплинарным, а представляет собой инженерно-технический гибрид, в котором его различные структурные и функциональные составляющие хорошо подогнаны друг к другу. Но в самолете есть и метаболические процессы, например, превращение топлива в тяговую силу данного лайнера.

Однако современное и наиболее распространенное понимание техно-науки заключается в утверждении приоритета технических наук и соответствующих специалистов и конструкционных материалов над социальными и гуманитарными науками. Это понимание техно-науки получило в последние годы широкое распространение благодаря поддержке мощного международного лобби технократов и Международного экономического союза, возглавляемого К. Швабом. Большую роль сыграл и лично К. Шваб [Шваб, 2017]. Напомню, что технократизм как в период Третьей, так и Четвертой промышленной революции есть один из идеологических столпов современного капитализма. В рамках последнего предполагается, что, как и ранее, благодаря новым технологиям капиталу удастся одновременно получить доступ к дефицитным ресурсам, завоевать новые рынки и подавить растущее

сопротивление массы трудящихся по всему миру. И кое-что современным технократам от Большого бизнеса уже удалось, например, сократить мировой рынок труда.

Новое наступление технократов прибавит головной боли ученым-обществоведам. Но более всего – озлобит сторонников сближения естественных, технических, социальных и гуманитарных наук. То, что сегодня техно-наука действует в глобальном масштабе, не меняет ее прикладного характера. Поэтому я рассматриваю концепцию техно-науки как одну из множества современных версий развития научного знания, которая непрерывно развивается под воздействием новых открытий. Если же техно-наука это – идеология, а я склоняюсь именно к этому мнению, то тогда это идеология сторонников идеи мирового господства, таких как США и их союзников по НАТО.

8. Общественные движения как реакция на техно-науку

Роль социальных инициатив и общественных движений в информационном обществе непрерывно возрастает, и причин этого роста несколько. **Во-первых**, глобальное сообщество становится все более образованным, и это положение касается, прежде всего, подростков и молодежи. Чему немало способствовало развитие Интернета и социальных сетей.

Во-вторых, в современном мире происходит качественный сдвиг: ребенок и подросток из объекта манипулирования взрослыми посредством воспитания, обучения, наставлений и создания для них правил поведения превратился в актора (агента) социальной деятельности, который черпает знания и правила поведения из Интернета, социальных сетей и социальной среды, именуемой в просторечии «улицей». Это, в частности, подтвердило международное исследование проблем детства [Büchler-Neiderberger, 2010]. **В-третьих**, общественные движения и прежде всего в России, стали реальной основой развития общественно-научных исследований, начиная с 1960-х гг. Этот новый общественный феномен стал возможным благодаря тесному сотрудничеству трех социальных сил: ученых, преподавателей и студенческой молодежи. К этому «тройственному» союзу стала постепенно присоединяться молодежь самых разных профессиональных ориентаций и старшие школьники.

В-четвертых, российская наука, преподавательский корпус и общественное мнение в целом стали постепенно отказываться от патерналистского взгляда на школьников и молодежь в целом и стали широко вовлекать этот молодой контингент (так называемых миллениалов) в разные сферы научных исследований и, прежде всего, в сферу новых технологий, и социально-экологических исследований, и разработок. Деятельности этой триады не смог помешать даже резкий переход России на рельсы рыночной экономики. Секрет этой устойчивости прост: какие бы социальные и экологические трансформации ни происходили, социально-экологические проблемы человечества остаются.

В-пятых, одновременно участникам этой триады стало очевидно, что решить все экологические и социальные проблемы России и человечества в целом только использованием новых технологий невозможно. Техно-наука, какой бы развитой она ни была, все равно остается лишь инструментом для решения локальных и глобальных социально-экологических проблем. И все попытки решить их без изменения или, хотя бы, смягчения правил современной рыночной экономики никак нельзя. Именно поэтому участники российского и других национальных экологических НКО и движений совершили в течение последнего десятилетия решительный поворот к исследованию глобальных проблем. И Грета Тунберг и ее призывы с трибуны ООН здесь не исключение.

В-шестых, все социальные агенты и феномены существуют в определенном социокультурном пространстве. Как писал П. Сорокин в 1930-х гг., «социокультурная экология, или география, в правильном ее понимании, есть не что иное, как изучение размещения, распределения, последовательности, вытеснения и миграции проводников и людей, как они отражаются на экране геометрического пространства» [Сорокин, 2012. С. 51].

Замечу, что ни во времена Р. Парка и Р. Барджесса, ни сегодня «социокультурная экология» не может быть интерпретирована как ее «география», а в биосфере и социо-сфере нет никакого «геометрического пространства». Это – принципиальная ошибка великого социолога. *Социокультурная экология есть многомерное междисциплинарное понятие*, которое может быть фиксировано в «геометрическом пространстве», т.е. территориально, только в замкнутых традиционных обществах, которые тоже время от времени мигрировали, сжимались или расширялись, переходя в иную среду обитания и т.д. К сожалению, этот великий социолог не ввел в свою теорию социокультурного пространства понятия экосистемы как симбиоза некоторого социального сообщества и среды его обитания, хотя работы, эмпирически доказавшие существование таких «симбиозов», тогда уже были.

В-седьмых, естественно, что *ни один из членов триады не мог быть сторонником техно-науки по определению*, потому что все они привыкли к реальному взаимодействию с эко-социальными системами во всех их проявлениях. Напротив, когда эти агенты увидели, сколь одномерна современная техно-наука, они стали избегать ее или бороться с нею, потому что для них были очевидны те упрощения, к которым прибегали апологеты этого направления, чтобы отстоять свою правоту.

В-восьмых, техно-наука необходима, прежде всего, в тех сферах научно-технического производства, где создаются инструменты и оружие защиты от попыток порабощения, подчинения или тотального уничтожения человеческих эко-систем «сильными мира сего». Но даже эти «сильные» стараются изобразить свое гуманное отношение к мирному населению, которое в действительности всегда страдает первым. Ларчик такой «гуманности» открывается просто: богатые спрячутся в давно заготовленных бункерах, а остальные вымрут к вящему удовольствию технократов, поскольку вымерших людей можно будет легко заменить на роботов.

9. Социальный порядок и индивид в информационном обществе

Хотя именно индивиды как ученые или политики создают социальный порядок и непрерывно развивают или переформируют его, он, являясь каркасом существующей структурно-функциональной организации социального мира, всегда подчиняет своим правилам и нормам, созданным индивидами, их группами и сообществами. Но это – в теории.

В жизни сознание и поведение современного индивида формируется не только институтом социального порядка. Постоянное его изменение в ходе конкурентной борьбы на мировом рынке, Интернет, социальные и профессиональные сети, назойливая реклама, перманентные вбросы срочных новостей (breaking news), а также необходимость постоянно успевать за ускоряющимся ходом событий – все это создает избыточный и с каждым часом изменяющийся поток информации. В этом его хаосе индивид в лучшем случае на какой-то момент запоминает одно-два сообщения, но на них надвигаются следующие, еще более срочные или пугающие и т.д.

Вот свежий пример: эпидемия коронавируса. Сначала – на информацию о ней в нашем обществе практически не было никакой реакции, однако в течение следующей недели эта информация стала не только «номером один», возник буквально каскад экономических, политических и социальных последствий глобального масштаба. Международный рынок оказался в кризисе, валютные курсы стали неустойчивыми, здесь и там стали спешно формировать карантинные зоны, гигантские круизные лайнеры превратились в изолированные от мира пространства и т.д.

В итоге оказалось, что вся система международных и межличностных отношений и связей оказалась под угрозой, а индивиды как бедные, так и состоятельные, оказались ее заложниками! То есть хваленая свобода «Интернет-галактики» [Castells, 2004] вкупе с глобальным рынком товаров и услуг оказались неспособными противостоять этой вирусной

угрозе, если даже она является продуктом деятельности политтехнологов или современных айтишников. Мне иногда кажется, что Всевышний, видя вялую реакцию общества на угрозу изменения климата, решил показать людям, насколько хрупок и ненадежен созданный ими мир!

Что же касается образа жизни индивида как такового, то рискну утверждать, что непрерывный поток обрушивающейся на него информации ведет к полной потере способности индивида к размышлению, к рефлексии. И как результат – потеря современным индивидом своей идентичности. В этом контексте уже не кажется странным желание многих молодых людей жить одним днем.

Выводы

Чем современное капиталистическое общество технически мощнее, чем больше в его идеологии и политике перекося в сторону новых инженерных, биохимических, экологических и иных технологий и чем выше накопленный им потенциал финансового и технологического капитала, тем выше риск самоуничтожения человечества. Основанное на таких принципах общество всегда стремится подавить гуманистическую ориентацию, кому бы она ни принадлежала, отдельному человеку, группе ученых или всему человечеству. И современный капитализм во многом уже добился этой цели. Много ли имен выдающихся современных гуманистов может назвать современный читатель? Великие гуманисты прошлого уходят – в науке и политике остаются только технократы и стяжатели.

Поэтому совсем неслучайно достижения современных молодых и не очень ученых оцениваются не по общественной значимости выдвигаемых ими идей или концепций, а по количеству их публикаций, вошедших в наукометрические системы типа Scopus and Web of Science. Утвердилась совершенно новая, сугубо утилитарная шкала новаций и успеха. Нас, ученых, в особенности молодых, стремятся всеми силами убедить, что рыночному обществу нет альтернативы. Невольно вспоминаются слова А.П. Чехова: «А человека забыли!». Однако необходимо помнить не только о человеке.

Исходным пунктом современного исследования информационного общества является наличие всеобъемлющей СБТ-системы, структурно-функциональное изучение которой возможно только средствами междисциплинарного знания, точнее, методами междисциплинарного знания-действия. То есть – при наличии непрерывной обратной связи между субъектом действия (человеком, сообществом, глобальной сетевой системой) и средой его обитания, которая тоже непрерывно изменяется. Напомню, что «технологическое время» функционирования сложных систем непрерывно ускоряется, т.е. время между некоторым действием и реакцией на него сокращается.

Сегодня техно-наука действует в глобальном масштабе, однако это не меняет ее прикладного характера. Поэтому я рассматриваю концепцию техно-науки как одну из множества современных версий развития научного знания, которая непрерывно развивается под воздействием новых открытий. Если же техно-наука это – идеология, то тогда это идеология сторонников идеи мирового господства, как, например, США.

Все науки, естественные, общественные и технические независимо от степени их интегрированности несут равную ответственность перед человечеством за сохранение мира на земле и за самую возможность своего безопасного существования на ней.

Никакая новейшая методология или теория не способна противостоять губительному пути к самоуничтожению. *Противостоять ему можно только объединенными действиями всех людей в защиту мира и безопасности.*

ЛИТЕРАТУРА

- Гуманистический поворот: императив человеческой цивилизации (2018) / Кравченко С.А., отв. ред. М.: МГИМО–Университет.
- Кравченко С.А. (2014). Социокультурная динамика еды: риски, уязвимости, востребованность гуманистической био-политики. М.: МГИМО–УНИВЕРСИТЕТ.
- Сорокин П. (2012). Новые материалы к научной биографии: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Д.В. Ефременко, П.П. Кротов. М.: ИНИОН РАН.
- Шваб К. (2017). Четвертая промышленная революция. М.: Изд-во «Э».
- Этос науки. (2008) / Отв. ред. Л.П. Киященко, Е.З. Мирская. М.: Академия.
- Яницкий О.Н. (2004). Диалог науки и общества // *Общественные науки и современность*. №6. С. 86–96.
- Büchler-Neiderberger D. (2010). Childhood Sociology – Defining the State of Arts and Ensuring Reflection // *Current Sociology*, No. 58 (2). Pp. 155–163.
- Castells M. (2004). *The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business, and Society*. Oxford: Oxford University Press. 292 pp.
- Yanitsky O. (2016). Sotsiobiotechnicheskie systemy: novyi vzglyad na vzaimodeistvie cheloveka i prirody [Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika], Vol. 4. No 3. Pp. 5–22. Available at: manuscript.sciknow.org/uploads/ojssr/pub/ojssr_140963345.pdf

Яницкий Олег Николаевич

oleg.yanitsky@yandex.ru

Oleg Yanitsky

Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Federal Center of the Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

oleg.yanitsky@yandex.ru

A SOCIETY AND INDIVIDUAL IN THE INFORMATION ENVIRONMENT

Abstract. Drawing on the analysis of a scientific literature and on my own fifty year researches of socio-ecological information global processes, I came to the necessity of complex analysis of global structural-functional transformations generated by a global and Russia's transition to the Fourth scientific-and-technological revolution (hereafter the STR-4) and a shaping under these conditions an information society in Russia. In the article the following consequences are analyzed: the changes in the methodology and theory of such shift; an issue of 'speeding up' of a social time and a 'compression' of social space; the quantitative and qualitative changes in the above society; an issue of shaping of an information living environment; an issue of the information society and so-called techno-science relationships; a response of mass social movements to the techno-science imperatives; the processes of shaping of a social order in information society; and the reaction of the individuals and their groups on the ongoing transformations. The author came to conclusion that: the more a society stronger technologically the more a shift in its ideology and politics toward new engineering, biochemical and ecological technologies, and the greater accumulated potential of financial and political capital the higher the risk of a self-annihilation of humanity. A shaping of a global sociobiotechnical system (hereafter the SBT-system) is the basic meta-theoretical position of the author. The adequate interpretation of structural-functional organization and dynamics of such complex global SBT-system is possible by the means of an interdisciplinary analysis, or more precisely, by the methods of many-sided study based on the 'triad': scientific knowledge–uninterrupted retraining–public participation in that processes. The 'individual–living environment' relationships have to be studied in the same way. At the same time a feedback between a living milieu and an actor which are both under the process of permanent changes should be investigated as well. In sum, to resist to the shift toward total self-annihilation of global society is possible by means of united efforts of humanity only in defense of peace and safety of people.

Keywords: *compression of space, globalization, information society, individual, interdisciplinary analysis, living environment, science, speeding up of a time, triad "science–teaching–public participation", Russia.*

JEL: B59, Q51, Z13.

REFERENCES

- The Humanist Turn: The Imperative of Human Civilization (2018) / Kravchenko S.A., executive editor. M.: MGIMO-University. (In Russian).
- Kravchenko S.A. (2014). Sociocultural dynamics of food: risks, vulnerabilities, demand for a humanistic bio-policy. M.: MGIMO-UNIVERSITY. (In Russian).
- Sorokin P. (2012). New materials for a scientific biography: Collect. of Scientific Papers / Executive editors Efremenko D.V., Krotov P.P. M.: INION RAS. (In Russian).
- Schwab K. (2017). The Fourth Industrial Revolution. M.: Publishing house "E". (In Russian).
- The Ethos of Science. (2008). Executive editors: L.P. Kiyashchenko, E.Z. Mirskaya. M.: Academy. (In Russian).
- Yanitsky O.N. (2004). Dialogue of science and society // Social sciences and modernity. No. 6. S. 86–96. (In Russian).
- Büchler-Neiderberger D. (2010). Childhood Sociology – Defining the State of Arts and Ensuring Reflection // Current Sociology, No. 58 (2). Pp. 155–163.
- Castells M. (2004). The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business, and Society. Oxford: Oxford University Press.
- Yanitsky O. (2016). Sotsiobiotechnicheskie systemy: novyi vzglyad na vzaimodeistvie cheloveka i prirody [Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika]. Vol. 4. No 3. Pp. 5–22. Available at: manuscript.sciknow.org/uploads/ojssr/pub/ojssr_140963345.pdf.